

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 398.51: 82.03
DOI 10.17223/18137083/65/1

Ю. В. Лиморенко

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Названия оружия и доспехов в фольклорных памятниках и в переводе: проблемы и варианты решений

Рассматриваются вопросы перевода на русский язык названий оружия и доспехов, часто встречающихся в фольклорных текстах. Основная проблема заключается в том, что собиратели, переводчики, а иногда и исполнители не знают терминологии военного дела и передают названия деталей вооружения любыми близкими по значению словами, а также в том, что специальная археологическая и этнографическая литература, описывающая традиционные системы вооружения, мало известна широкому читателю. Переводчикам приходится обращаться к этим источникам для уточнения и унификации названий оружия и доспехов. Ряд специфических названий (например, *куяк* – наименование ламеллярного доспеха сибирских тюрков и монголов) заимствованы в русский язык и в определенных случаях вообще могут не переводиться. Материалом исследования служат тексты алтайских, бурятских, хакасских эпических сказаний и исторических преданий.

Ключевые слова: фольклор тюркоязычных народов Сибири, перевод фольклора, военное дело, лук, стрела, доспехи, панцирь, куюк.

Введение

Названия различных видов оружия и доспехов имеют большое значение в фольклорном тексте: это и элементы национальной культуры, и указание на эпоху, к которой рассказчик относит действие повествования, и способ характеристики героев (например, меткий стрелок). Особенно важную роль указанная лексикотематическая группа играет в героических сказаниях, где описанию оружия и брони героев уделяется огромное внимание, и в исторических преданиях, где нередко можно встретить точное отражение исторических реалий той или иной эпохи.

Лиморенко Юлия Викторовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; limorenko.yulia@yandex.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2018. № 4
© Ю. В. Лиморенко, 2018

Однако переводчики, сознавая всю важность грамотной передачи оружейной лексики в переводе, не всегда добиваются в этом приемлемого результата. Причин тому несколько:

- переводчик и (в ряде случаев) исполнитель текста бывают слабо знакомы с терминологией военного дела и охотничьего промысла;
- терминология, известная этнографам, практически не представлена в словарях национальных языков и в двуязычных словарях;
- русские исторические термины часто не соответствуют аналогичным терминам в других языках; современная (спортивная, реконструкторская) терминология не соотносится с исторической.

В настоящей статье мы рассмотрим вопрос о способах перевода слов лексико-тематической группы «оружие и доспехи» на примере перевода наиболее часто встречающихся лексем, обозначающих детали лука и нателную броню. Автор настоящей статьи, работая в качестве редактора перевода двух томов тюркской сказочной прозы серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», в свое время также не обратила достаточного внимания на эти аспекты перевода вследствие незнания специальной терминологии. В последующих томах серии, готовящихся к изданию, эти недостатки должны быть учтены, поэтому необходим анализ трудностей перевода слов указанной лексико-тематической группы и возможных вариантов их передачи.

Материалом для исследования служат тексты алтайских, бурятских, хакасских героических сказаний и исторических преданий.

Названия орудий стрельбы и снарядов

Внимания переводчика при встрече с описанием лука и стрельбы из него требуют несколько деталей. Во-первых, одним и тем же словом могут называться разные снаряды для стрельбы – стрела и пуля. Так, алтайское *ок* может иметь значения ‘пуля, стрела, снаряд’ [Баскаков, Тоцакова, 1947, с. 115]. Хакасское *ух* также означает и ‘стрела’, и ‘пуля’. В преданиях герои часто стреляют из ружей, но если оружие не названо, то установить, о каком снаряде речь, можно только из контекста. Сравним два примера:

Мылтых сыныхтаглапчадырлар. Ол оол тычах пізіне ухты чара ширде атхлан турган ‘Ружья осматривают. Этот парень стрелял по лезвию ножа, отчего пули раскалывались’ [НПХ, с. 310–311].

Ол күн Халдама чаацах алып атыбысхан. Түрче поларынаң хабар читкен. «Ух читти», – тибес Моол ханы атхан кізіні позынзар хыгыртча ‘В этот день Халдама, лук взяв, выстрелил. Немного погодя весть пришла: стрела долетела, монгольский хан стрелка к себе зовет’ [НПХ, с. 268–269].

В обоих случаях употреблено одно и то же слово *ух*, обозначающее и пулю, и стрелу.

Нередко даже по контексту нельзя сказать, из чего стреляет герой – из лука или из ружья: *Ир Тохчын оларга удур ойдадып атханда, одыра түстілер* ‘Ир-Тохчын навстречу поскакал, выстрелил – они присели’ [НПХ, 290–291]. В таких случаях выбор перевода для названия снаряда остается на усмотрение переводчика: если текст эпический, там с большей вероятностью стреляют из луков, если перед нами предание, где действие можно отнести к эпохе огнестрельного оружия (примерно с XVIII в. и позже), возможен перевод *ох/ух* как ‘пуля’.

Любопытно, что в некоторых текстах встречается совпадение названий не только стрелы и пули, но также лука и ружья: *Алтан эки чыкамалду / Ак мылтыгын берет-ий жүрет. / <...> / Жетен эки бу текпелү / Темир жаа бербей кайтты. ‘С шестьюдесятью двумя зарубками / Белый лук дала, / <...> / С шестьюдесятью двумя зарубками / Железный лук дала...’* [Маадай-Кара, 1973, с. 121, 307]. В пер-

вом случае оружие называется словом *мылтык*, которое вне фольклорного контекста всегда означает 'ружье', во втором – собственно луком (*jaa*).

Названия деталей лука

Названия некоторых деталей лука также вызывают у переводчиков затруднения, причем выбранные варианты перевода в разных источниках могут совпадать, будучи при этом не вполне точными. Виной тому – незнание переводчиками лучной терминологии, как тюркской, так и русской. Между тем для деталей устройства луков и стрел имеются однозначные эквиваленты, однако используются они большей частью в специальной литературе. Не стоит ждать, что переводчик и читатель перевода по умолчанию осведомлены об этих специфических терминах, поэтому в комментариях всегда имеет смысл пояснять, о чем идет речь.

В переводах тюркских фольклорных текстов мы нередко встречаем упоминание загадочных «зарубок» или «подставок» на луке: они явно связаны с натяжением тетивы – перед богатырем ставится задача натянуть лук до той или иной «зарубки/подставки». Что это такое, где находится и зачем нужно?

В текстах это выглядит так: алт. *jʉc текпелү темир jaa* 'железный лук со ста подставками'; впрочем, то же самое выражение имеет в других источниках другой перевод: «железный лук со ста зарубками» [Маадай-Кара, 1973, с. 198, 386]. Действительно, алтайское *текпе* в словаре Баскакова и Тощаковой переводится как «подставка», однако никаких пояснений к этому слову нет, тем более нет указаний, что оно может иметь особые значения в фольклорных текстах или в терминологии военного дела [Баскаков, Тощакова, 1947, с. 146]. Перевод *текпе* как «зарубка» в словаре также отсутствует.

С того момента, как появились составные луки, в их устройстве иногда применяются кобылки – костяные или деревянные подставки под тетиву, приклеенные вблизи концов лука. Они служат для той же цели, что и кобылки на струнных инструментах, – чтобы поднять натянутую тетиву, укоротить ее и при этом избежать трения о рог лука: *Онобишидон уруулжи / Тэбхэ дээрэн байлгажи / Сабхай сараа үгэйээр / Хүбишлэжи орхёбо* 'Он зацепил [тетиву] за зарубку, / Закрепил на кобылке / И ловко, без всяких помех / Натянул ту тетиву!' [БГЭ, строки 1031–1034]. Как видим, кобылка и загадочная «зарубка» здесь – не одно и то же.

К тому же на луке не может быть ни ста, ни девяноста девяти кобылок – их всегда две, на обоих концах лука. Значит, «подставка», как и «зарубка», – это нечто другое.

Обратим внимание на то, как фольклорные тексты описывают богатырский лук: *Мындый-мындый неме келди, темир jaa, канча-канча текпелерлү, ондо то-олорло темдектеп салган. Ого јетире мындый чыдалду, бого јетире мындый чыдалду кижги тартар учурлу, деп јартаган* 'Такое-то и такое-то прислали, железный лук, со многими-многими зарубками [для тетивы], все числами обозначены. Объяснял, что досюда человек с такой-то силой может натянуть, дотуда – человек с такой-то силой' [НПА, текст 143, с. 308–309]. Здесь мы видим пояснение переводчика: зарубки «для тетивы»; это кое-что объясняет – но не все.

Русское выражение «натянуть лук» может иметь два значения: 1) надеть тетиву на лук; 2) натянуть уже снаряженный лук для стрельбы. В тексте речь идет о первом случае: прежде чем показать, какой ты стрелок, нужно надеть тетиву, а натяжение лука зависит от того, насколько близко к концам рогов она натянута. Если тетива привязана к самым концам, плечи лука сгибаются сильнее всего и натяжение максимально.

Как видим, интересующие нас «зарубки» нужны для того, чтобы надевать на них тетиву. Но в лучной терминологии эти детали называются «вырезы» (см., например: [Медведев, 1966, с. 117; Худяков, 1991, с. 101]). Они бывают различных

форм, но всегда округлые и выглаженные изнутри, чтобы не перетирать петли тетивы.

В фольклорных текстах оружие богатырей и героев нередко описывается в гиперболизированном виде. Реальный лук имеет по одному, редко по два выреза на конце каждого рога, чтобы можно было немного увеличить или уменьшить натяжение. Но богатырский лук, который не под силу натянуть обычному человеку, может иметь и 72, и 100 вырезов, о чем нам и сообщают тексты. Таким образом, загадочные «зарубки» и «подставки» (которых тоже может быть много) – это вырезы для тетивы. Конечно, при таком переводе необходим комментарий, в идеале сопровождаемый рисунком или фото лука и его частей крупным планом, благо в музейных коллекциях немало образцов хорошо сохранившегося стрелкового оружия начиная со Средних веков (списки коллекций вооружения кочевников Центральной Азии см.: [Худяков, 1986; 1991]).

Названия деталей стрелы

Стрела – довольно сложно устроенный снаряд, каждый элемент которого имеет свое, мало известное неспециалистам название. Обратимся сперва к цитате: *Аньяр шара үүдхээз / Оноо дээрэн уншижси, / Хэсэ дээрэн хэлэжси...* ‘Стал заклинять ярко-желтую стрелу, / Шептать над ее зарубкой, / Бормотать над ее опереньем...’ [БГЭ, строки 1795–1797]. Еще одна «зарубка», встречающаяся на этот раз в описании стрелы, говорит читателю не больше, чем в случае с вырезами на луке. Еще пример из того же сказания: *Ёргоон злан галуунай / Тологойеын таһар харбаад-ла / Онобишдоо углажи, / Хабхагшагдаа хабхалжи / Асараха!* ‘Снеси головы / Шести диким гусям, / Насадив на зарубки свои, / Проткнув своим наконечником, / [Всех их] доставь!’ [БГЭ, строки 1864–1868].

Словарь действительно дает для слова *оноо* такое значение, но несколько загадочно: «1) зарубки (на стреле); 2) разрез, прорезь» [Буряад-ород словарь, 1973, с. 357]. Возможно, в обоих случаях речь идет о разных «зарубках»: на самой стреле (в первом случае) и на наконечнике стрелы (во втором). На древке стрелы никаких зарубок быть не могло: чем глаже древко, тем лучше полет и тем меньше шансов, что стрела при спуске с тетивы повредит руку стрелка [Медведев, 1966, с. 49–50].

Дело в том, что бур. *оноо* ‘разрез, прорезь’ во втором словарном значении может использоваться для обозначения ушка стрелы – прорези на том ее конце, на который крепится оперение: «На тыльном конце древка вырезалось ушко, куда тетива входила во время натяжения. Без ушка стрела соскакивала бы с тетивы при стрельбе» [Там же, с. 50]. Ушки или насаживались на древко, или вставлялись в него с помощью шипа [Там же]. Возможно, в этом смысле *оноо* и употребляется в первом цитированном тексте: мангадхай заклиняет и ушко, и оперение стрелы.

Вторая «зарубка», по-видимому, имеет отношение к наконечнику: стрела, «насадив на зарубки» добычу, может принести ее обратно. Ясно, что эти зарубки должны быть достаточно острыми. Об этом же говорится в другом тексте: *Зэтэр зээгэн хоерттоо / Хабишуулжа ерээрэйш, – гэжэ / Харбажа татиба* ‘В зарубке-зажиме / Прижав, возвращайся, – сказал / И пустил стрелу’ («Хатуу Хара хан», цит. по: [Кузьмина, 2005, с. 440–441]). Бурятское *зэтэр* – букв. ‘заусенец’ [Буряад-ород словарь, 1973, с. 274].

Вероятно, здесь речь идет о зубцах наконечника стрелы; зазубренные наконечники были известны у кочевников Азии во множестве вариантов [Худяков, 1986, с. 38–43; 1991, с. 36–38]. Наконечники с шипами и зубцами применялись как для охотничьих, так и для боевых стрел, чтобы, попав в цель, стрела не выпала из раны. Если принять эту версию, легко представить, что богатырская стрела пробива-

ет насквозь диких гусей из цитированного примера и «приносит» их стрелку, зацепив зубцами наконечника.

Этими вариантами описание стрел в фольклорных памятниках, конечно, не исчерпывается. Мы привели лишь несколько примеров того, как важно истолкование таких описаний переводчиком с опорой на данные археологии и этнографии. Ответы практически на все вопросы характеристик оружия можно найти, обратившись к его научным описаниям.

Названия футляров для лука и стрел

В переводах фольклорных текстов распространена характерная ошибка: смешение колчана (футляра для стрел) и налучья (футляра для лука). Основная трудность, помимо незнания специфики терминологии, здесь состоит в том, что в тюркских языках словом *саадак/саадах* может называться и то и другое. Смешение этих понятий иногда настолько глубоко, что ошибка фиксируется в словарях: «Алып саадахтаң чаачах сығарчадыр *фольк.* богатырь вынимает лук из колчана» [Хакасско-русский словарь, 2006, с. 418]. При этом «Историко-этнографический словарь» фиксирует у слова *саадах* значение ‘чехол для лука’ [Бутанаев, 1999, с. 100–101]. Алтайский словарь указывает для слова *саадак* значение ‘колчан’ [Баскаков, Тоцакова, 1947, с. 122]. В бурятском языке *хаадаг* – также ‘колчан’ [Буряад-оруд словарь, 1973, с. 658].

По-видимому, провести четкую границу между двумя значениями общей тюрко-монгольской лексемы не удастся, однако в контексте их вполне возможно различить. К тому же в ряде языков существует отдельное слово для налучья и в текстах мы можем увидеть разницу словоупотребления: ...*саадах хаба чаачах суурын, хуурлух хаба ух суурын...* ‘...налучье схватив, лук вытащил, **колчан** схватив, стрелы вытащил...’ [НПХ, с. 400–401]. По данным «Историко-этнографического словаря», выражение *хурлух хабыныт, ух суурган* [Бутанаев, 1999, с. 196] (ср. наш пример *хуурлух хаба ух суурын*) можно считать устойчивой поэтической формулой.

Названия натальной брони

Во множестве текстов сказаний и преданий упоминается вид натальной защиты *куйак/хуйах*. Согласно данным археологической литературы, *куйак/хуяг* – это хорошо известный в Центральной Азии и Сибири тип ламеллярного доспеха; он обнаружен у монголов [Худяков, 1991, с. 140–141], киданей [Там же, с. 81], древних тюрков [Худяков, 1986, с. 158–159]. Переводы этой лексемы разнообразны: можно встретить варианты «броня», «панцирь», «доспех», «кольчуга», «латы», а также оставленную без перевода реалию «куяк». В словарях в качестве переводов часто даются все или практически все эти значения: «Хуйах – куюк, латы, броня, панцирь» [Бутанаев, 1999, с. 193]; «Хуйах 1 1) ист. куйак (щит, изготовленный из сыромятной кожи) (*более нигде это слово не переводится как «щит».* – Ю. Л.), панцирь, щит» [Хакасско-русский словарь, 2006, с. 859] (ниже в статье приводятся различные сочетания с этим словом); «Хуяг 1) панцирь, латы, броня» [Буряад-оруд словарь, 1973, с. 609].

Само слово «куяк», монгольское по происхождению, было хорошо известно русским – его фиксирует в своем словаре В. И. Даль: «Куюк *стар.* щитковые, чешуйные или наборные латы из кованых пластинок по сукну» [Даль, 1994, с. 230]. «Щитковые латы» – это и есть ламеллярный доспех, состоящий из пластинок, низанных на ремешки и скрепленных вместе [Худяков, 1986, с. 158]. Археологические данные свидетельствуют, что материал нашитых пластин мог быть очень разнообразен – от кости до железа [Худяков, 1991, с. 141]. Кольчуга у тюрков

и монголов, по-видимому, появилась довольно поздно [Худяков, 1986, с. 159; 1991, с. 144].

Примеры упоминания куйака в текстах многочисленны. В алтайских сказаниях и преданиях часто встречается сочетание *кӧӧ-куйак*; *кӧӧ* – букв. ‘уголь, сажа’. Возможно, речь идет о вороненом доспехе – воронение защищает железные пластины от ржавчины; проверить эту версию пока не удастся. Приведем несколько примеров: *Канча жуудын кӧӧ-куйагын / Катай-тетей курчан ийди ‘Доспехи-панцирь для многих сражений / Пристегнула’* [АГС, с. 178–179]. Как видим, *кӧӧ-куйак* переведено как «доспехи-панцирь»: считая это выражение устойчивым сочетанием, с определенными оговорками можно принять такой перевод. В другом сказании того же тома серии «Памятников» тот же переводчик – З. С. Казагачева – переводит *кӧӧ-куйак* по-другому – уже как «черный панцирь»: *Сегизен сегиз илжирмелү / Кӧӧ-куйак тонын / Күр кӧгүске жабынат ‘Черным панцирем / С восьмьюдесятью восьмью рядами колечек¹ / Мощную грудь свою прикрывает’* [Там же, с. 334–337]. Еще примеры использования этого сочетания: *Тогзон тогус бу топчылу / Кӧӧ куйак бербей кайтты ‘С девяноста девятью пуговицами / Кожаный панцирь подала’* [Маадай-кара, 1973, с. 121, 307]; здесь добавлено определение «кожаный», хотя, очевидно, речь идет все о том же ламеллярном доспехе. Описание *кӧӧ-куйак* с различными сложными эпитетами входит в качестве устойчивой формулы в состав типического места «богатырское снаряжение: одежда, доспехи» [Кузьмина, 2005, с. 8], поэтому встречается во множестве текстов алтайских сказаний (другие примеры см.: [Там же, с. 54–61]). Словом «панцирь» чаще всего переводится *хуйах* в хакасских сказаниях: *Тынныг, ах хуус хуйах полган... ‘Живой, износа на знающий белый панцирь...’* [ХГЭ, с. 154–155]; *Тогыс хат тоң хуйах... – Девятислойный твердый панцирь...’* [Там же, с. 316–317].

В ряде текстов *куйак/хуяг* переведено как «кольчуга», выше мы упоминали, почему этот перевод совсем не точен: *Дабтамал мунгэн хуягаа... ‘Выкованные серебряные кольчуги...’²*.

Рассмотрим существующие варианты перевода названия брони с учетом того, что удалось выяснить об этом типе доспеха по археологическим данным. «Доспех» – наиболее обобщающее слово, как следствие, не очень удачно: *куйак/хуйах/хуяг* – это не доспех вообще, а его конкретный тип, связанный с конкретной исторической эпохой. Словом «латы» обычно обозначают цельнокованую нательную броню, что не соответствует реалиям военного дела сибирских народов. «Кольчуга» – совсем неподходящий перевод: *куйак* состоит не из колец. «Броня» – приемлемый вариант, если нужно чередование синонимов в вариациях, однако в понятие «броня» включается также защита для рук и ног, а не только нательная. Наиболее точный вариант перевода – действительно «панцирь», этот термин применяется и в этнографических работах. Однако, учитывая долгое бытование слова «куяк» в русском языке (о чем свидетельствует словарь В. И. Даля), можно и вообще оставлять его без перевода как русский историзм.

Проведенное нами исследование показывает, что слова лексико-тематической группы «оружие и доспехи» во множестве встречаются в фольклорных текстах, преимущественно в героическом эпосе и исторических преданиях, и играют в этих текстах важную роль, подчеркивая привязку действия к этнобытовым реа-

¹ Может создаться ощущение, что речь здесь идет о кольчуге, но уточнение значения слова *илжирме (илдирме)* показывает, что этот вывод неверен. *Илдирме* – это ‘цепочка’, от *ил-* ‘зацепить, подвесить’ [Баскаков, Тоцакова, 1947, с. 63–64]. Этим словом названы ряды блях или щитков, нашитых на основу доспеха, т. е. описан типичный куйак.

² Бурятские героические сказания. Осодор Мэргэн / Сост. Е. Н. Кузьмина, строка 2437. В настоящее время издание готовится к печати и будет опубликовано в одном из томов «Памятников фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Мы благодарны составителю издания за возможность поработать с еще неопубликованными материалами.

лиям. В героических сказаниях обозначения оружия и доспехов входят в состав многих типических мест, поэтому их точный перевод особенно принципиален. На примерах названий стрелкового оружия, некоторых деталей лука, стрелы, нагельной брони мы рассмотрели трудности перевода и возможные варианты переводческих решений.

Список литературы

АГС – Алтайские героические сказания. Очи-Бала. Кан-Алтын / Сост. З. С. Казагачева. Новосибирск: Наука. Сиб. изд.-полиграф. и книготорг. предприятие РАН, 1997. 668 с.

Баскаков Н. А., Тоцакова Т. М. Ойротско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1947. 312 с.

БГЭ – Бурятский героический эпос. Аламжи Мэргэн молодой и его сестрица Агуй Гохон / Сост. М. И. Тулохонов. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 312 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

Буряад-оруд словарь. Бурятско-русский словарь. 44 000 слов / Сост. К. М. Черемисов. М.: Сов. энцикл., 1973. 804 с.

Бутанаев В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: Хакасия, 1999. 240 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 2: И–О. М.: Терра, 1994. 784 с.

Кузьмина Е. Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов): Экспериментальное изд. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 1383 с.

Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. М.: Гл. ред. вост лит., 1973. 474 с. (Эпос народов СССР).

Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. VIII–XIV вв. М.: Наука, 1966. 128 с. (Археология СССР. Свод археологических источников; Вып. Е1-36).

НПА – Несказочная проза алтайцев / Сост. Н. Р. Ойноктинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. Новосибирск: Наука, 2011. 576 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 30).

НПХ – Несказочная проза хакасов / Сост. Л. К. Ачитаева, С. К. Кулумаева, В. В. Миндибекова, Г. Б. Сыченко. Новосибирск: Наука, 2016. 540 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 34).

Хакасско-русский словарь. Хакас-орыс сөстiк. Ок. 22 000 слов. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

ХГЭ – Хакасский героический эпос. Ай-Хуучин / Сост. В. Е. Майногашева. Новосибирск: Наука. Сиб. изд.-полиграф. и книготорг. предприятие РАН, 1997. 479 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 16).

Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1986. 269 с.

Худяков Ю. С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 190 с.

Yu. V. Limorenko

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation, limorenko.yulia@yandex.ru*

Names of weapons and armor in folklore monuments and in their translation: problems and solutions

The paper deals with the question of how to translate in a folklore text the words of the lexical-thematic group «weapons and armor» by the example of translating the most common

lexemes indicating the details of the bow and the armor. The names of different types of weapons and armor are of great importance in the folklore text: these are the elements of the national culture, an indication of the era to which the narrator relates the action of the narrative, and the way the heroes are characterized (for example, the pointed shooter). These names play a particularly significant role in heroic epos, where great attention is paid to the description of weapons and armor of heroes and in historical legends, where one can often find the exact reflection of the historical realities of a particular era.

The names of small arms and their parts give rise to a number of translation problems. In the languages of the Siberian Turks, the same word can call different shells for shooting – an arrow and a bullet. In some texts, there is a coincidence of the names not only of arrows and bullets but also of a bow and a gun. The context allows us to determine what kind of weapon the characters use: the bow is more characteristic for the epic tales, guns are typical for historical legends about the times when firearms were already widely used. The names of some bow details cause difficulties for translators. The variants of translation in different sources may coincide although they are not entirely accurate. Meanwhile, there are exact equivalents for parts of the device of bows and arrows, but they are used mostly in specialized literature. Thus, it is more appropriate to call the «incisions» at the ends of the bow horns, which show the strength of its tension, with the term «cut-outs» and the «jags» of the tip of the arrow with the term «teeth» in archeological literature. One cannot expect that the translator and the reader of the translation are aware of these specific terms by default, so a comment to the text is critical, explaining as it does what was meant in the text.

The choice of translation variant for the name of the armor *kuyak/hujah/hujag* also causes some difficulties. Armor of this type is a lamellar armor, so translating *kuyak* as «armor» or «chain armor» is incorrect from the point of view of historical accuracy. The author analyzes the different ways of translating this word and suggests the best options. Based on ethnographic and archaeological sources, it is possible to select exact Russian equivalents for the names of weapons and armor that do not obscure the meaning of the texts.

Keywords: folklore of the Turkic-speaking peoples of Siberia, translation of folklore, military arts, bow, arrow, armor, armature, *kuyak*.

DOI 10.17223/18137083/65/1

References

Altayskie geroicheskie skazaniya. Ochi-Bala. Kan-Altyn [Altai heroic epos. Ochi-Bala. Kan-Altyn]. Z. S. Kazagacheva (Comp.). Novosibirsk, Nauka. Sib. izd.-poligraf. i knigotorg. predpriyatie RAN, 1997, 668 p.

Baskakov N. A., Toshchakova T. M. *Oyrotsko-russkiy slovar'* [Oiroot-Russian dictionary]. Moscow, Gos. izd. inostr. i nats. slovary, 1947, 312 p.

Buryaad-orod slovar'. *Buryatsko-russkiy slovar'*. 44 000 slov [Buryat-Russian dictionary. 44 000 words]. K. M. Cheremisov (Comp.). Moscow, Sov. entsikl., 1973, 804 p.

Buryatskiy geroicheskiy epos. Alamzhi Mergen molodoy i ego sestritsa Aguy-Gokhon [Buryat heroic epos. Alamzhi-Mergen the Young and his sister Aguy-Gokhon]. M. I. Tulokhonov (Comp.). Nauka. Sib. otd., 1991, 312 p. (Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East).

Butanaev V. Ya. *Khakassko-russkiy istoriko-etnograficheskiy slovar'* [Khakass-Russian historical and ethnographical dictionary]. Abakan, Khakasiya, 1999, 240 p.

Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t. T. 2: И–О* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols. Vol. 2: И–О]. Moscow, Terra, 1994, 784 p.

Khakasskiy geroicheskiy epos. Ay-Khuuchin [Khakass heroic epos. Ay-Khuuchin]. V. E. May-nogasheva (Comp.). Novosibirsk Nauka. Sib. izd.-poligraf. i knigotorg. predpriyatie RAN, 1997, 479 p. (Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East; Vol. 16).

Khakassko-russkiy slovar'. *Khakas-orys söstik. Ok. 22 000 slov* [Khakass-Russian dictionary. About 22 000 words]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 1114 p.

Khudyakov Yu. S. *Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii* [rmanent of medieval nomads of Southern Siberia and Central Asia]. Novosibirsk, Nauka, Sib. otd., 1986, 269 p.

Khudyakov Yu. S. *Vooruzhenie tsentral'noaziatskikh kochevnikov v epokhu rannego i razvitogo srednevekov'ya* [Armament of Central Asian nomads in the era of the early and developed Middle Ages]. Novosibirsk, Nauka, Sib. otd., 1991, 190 p.

Kuz'mina E. N. *Ukazatel' tipicheskikh mest geroicheskogo eposa narodov Sibiri (altaytsev, buryat, tuvintsev, khakasov, shortsev, yakutov): Eksperimental'noe izd.* [Index of typical places of the Heroic Epos of the peoples of Siberia (Altaians, Buryats, Tuvans, Khakas, Shors, Yakuts): Experimental ed.]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2005, 1383 p.

Maaday-Kara. Altayskiy geroicheskiy epos [Maaday-Kara. Altai heroic epos]. Moscow, Gl. red. vost lit., 1973, 474 p. (Epos narodov SSSR).

Medvedev A. F. *Ruchnoe metatel'noe oruzhie. Luk i strely, samostrel. VIII–XIV vv.* [Hand throwing weapon. Bow and arrow, crossbow. 8–14th centuries]. Moscow, Nauka, 1966, 128 p. (Archeology of the USSR. Code of archaeological sources; iss. E1-36).

Neskazochnaya proza altaytsev [Non-fairy tale prose of Altaians]. N. R. Oynotkina, I. B. Shinzhin, K. V. Yadanova, E. E. Yamaeva (Comps). Novosibirsk, Nauka, 2011, 576 p. (Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East; Vol. 30).

Neskazochnaya proza khakasov [Non-fairy tale prose of Khakasses]. L. K. Achitaeva, S. K. Kulumaeva, V. V. Mindibekova, G. B. Sychenko (Comps). Novosibirsk, Nauka, 2016, 540 p. (Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East; Vol. 34).